

Едва забрезжил холодный рассвет, как Город Сосновой Хвои наполнился первыми голосами.

За долгую ночь огонь в каминах успел полностью прогореть и угаснуть. Стоило распахнуть дверь, как в лицо ударял морозный утренний ветер, а изо рта вырывались густые клубы пара.

У колодцев уже выстроились длинные вереницы людей. Большинство горожан толком не сомкнули глаз этой ночью, а потому теперь то и дело зевали во весь рот.

— Что стряслось-то ночью? Никак земля заходила ходуном?

— Да уж! Сплю себе, и вдруг кровать как затрясется! Перепугался до смерти, вскочил, домашних растолкал и бегом на площадь. На ходу даже башмак потерял.

— Шум стоял жуткий. Все на площадь ломанулись, в чем были. Многие теперь кашляют, простудились на таком холоде.

— А я свет видел. Яркий такой, слепящий, — убежденно пробасил один из мужчин в очереди.

— И я видел! — тут же подхватил другой. — На севере полыхнуло, как раз в той стороне.

— Так там же замок нашего Лорда! — вмешался рослый крепыш, только подковылявший к хвосту очереди. — Неужто с Лордом беда приключилась? Вдруг покушение какое?

Толпа разом умолкла. Десятки сердитых, колючих взглядов скрестились на бедолаге.

Тот сразу понял, что сболтнул лишнего. Густо покраснев, он поспешно отвесил легкий подзатыльник самому себе:

— Моя вина! Язык мой — враг мой!

Молодой Лорд правил мудро и милосердно. Все, кто переселился в Город Сосновой Хвои, души в Юнь Фэе не чаяли. Они и слова дурного в его адрес не спустили бы, а уж каркать под руку да навлекать беду и вовсе считалось святотатством. Пусть даже сдуру ляпнул — поблажки не жди.

Навлекши на себя всеобщий гнев, парень благоразумно прикусил язык. Лучше постоять молча, пока бока не намяли.

— Надо бы дедушку Джеффри попросить навеститься в замок, — предложил кто-то из толпы.

— Если всё обошлось — слава богам. А коли стряслось чего, так мы всем миром подсобим.

— Верно!

Горожане, пришедшие по воду, быстро переглянулись и, согласно закивав, порешили сразу после колодца идти к старому Джеффри.

Неподалеку от колодца над серыми крышами деревянных домов уже потянулись струйки сизого дыма.

В одном из двухэтажных домов у самой дороги хозяйка спозаранку растопила очаг. Налив в котелок колодезной воды, она достала из ларя добрый кусок солонины и пригоршню сушеных корнеплодов. Острый нож привычно застучал по доске, кроша припасы аккуратными ломтиками, которые тут же отправились в закипающую воду.

Корнеплоды, богатые крахмалом, разваривались быстро, делая похлебку густой и наваристой. Солонина отдавала бульону свою соль, так что и солить-то почти не приходилось.

Хлеб в этих краях пекли на славу — тяжелый, серый, сдобренный отрубями. На вкус он был грубоват, зато храниться мог неделями, не черствея окончательно. Резать его приходилось с усилием. Нож с глухим стуком врубался в корку, будто хозяйка пластала не ковригу, а сухое сосновое полено. Но стоило размочить эти ломти в горячей похлебке — и за уши не оттащишь.

Простая крестьянская стряпня не отличалась изысканностью, но согревала кровь и давала силы на весь долгий день.

Женщина принялась помешивать варево большой деревянной ложкой, разминая самые крупные куски разбухших корнеплодов.

Из котелка повалил густой пар, разнося по кухне аппетитный, сытный дух.

«Храни небо нашего Лорда»

С тех пор как они перебрались в Город Сосновой Хвои, эти слова слетали с уст горожан сами собой, особенно у женщин, хлопотавших у печей. Добрый Юнь Фэй не только скостил непосильные подати, но и разрешил собирать валежник и грибы в графском лесу, так что теперь на столах бедняков всегда была сытная еда.

Едва суп окончательно уварился, а на столе появились миски, в дверь нетерпеливо постучали.

— Тётушка Ина, открывайте! Я к Шаку! — раздался звонкий юношеский голос. Это был Шацю, соседский паренек.

Их семьи дружили с незапамятных времен, деля межу еще в прежней деревне. Переселившись на новое место, они и дома подобрали рядышком, чтобы не нарушать старого соседства.

— Шацю, егоза, заходи скорее! — Ина вытерла руки о широкий передник и распахнула дверь.
— Как раз к столу успел, похлебка поспела, и хлеб свежий.

— Спасибо, тётушка Ина, но я уже дома поел, — вежливо отказался Шацю, переминаясь с ноги на ногу.

— Мало ли что ты там поел! Садись давай, — не слушая возражений, Ина усадила парня за стол и щедрой рукой налила ему полную миску дымящегося супа, положив рядом увесистую горбушку. — Молодому телу сила нужна, расти ведь еще надо.

У подростков в этом возрасте желудки — что бездонные бочки. Хоть Шацю и вправду позавтракал дома, от сытного аромата у него сладко засосало под ложечкой, а в животе предательски заурчало.

— Ну, тогда я с вашего позволения, — смущенно улыбнулся паренек и взялся за ложку.

Ина добродушно усмехнулась и зашагала на второй этаж. Распахнув дверь в спальню сына, она бесцеремонно стянула одеяло с дремавшего Шака.

— А ну подъем, лежебока! Шацю тебя внизу ждет. Вам сегодня еще с дедушкой Джеффри в замок идти, живей поворачивайся!

Сонный Шак спустил ноги с кровати, но стоило ему коснуться ледяных половиц, как он подскочил на месте, мгновенно растеряв остатки дремоты.

Мать и не думала его жалеть. Отвесив сыну увесистый шлепок по спине, она строго бросила:

— То-то же. Умойся ледяной водой — вмиг взбодрись. Да за стол садись, поживее!

С этими словами она спустилась обратно на кухню.

Шак взъерошил и без того растрепанную шевелюру, зыркнул в окно и понял, что время и впрямь поджигает. Наскоро натянув штаны и рубаху, он плеснул в лицо колодезной водой и вихрем скатился вниз. Ступеньки показались ему слишком долгим путем — парень просто оседлал перила, со свистом скатился по ним до самого низа и, едва удержав равновесие, плюхнулся на лавку у стола.

— Утречко, Шак, — приветствовал его Шацю, который к тому времени успел умять уже половину миски.

— Утро! — буркнул Шак, набивая рот горячей кашей с солониной. Проглотив кусок размякшего хлеба, он немного сбавил обороты и нетерпеливо кивнул на мешок за спиной друга: — Принес?

— А как же, — Шацю гордо приподнял тяжелый холщовый мешок, доверху набитый всевозможными семенами. Старый Люк велел им собрать как можно больше видов диких трав и ягод. Сегодня старый треант обещал начать уроки по возвращению и укрощению боевых лоз — этой премудрости обязан был выучиться каждый, в чьих жилах текла кровь треантов.

— Вот наловчимся как следует, и Лорд Юнь Фэй возьмет нас в свое воинство! — Шацю мечтательно взмахнул деревянной ложкой, глаза его так и горели юношеским задором. — Уж мы-то покажем всяким проходимцам, где раки зимуют! Всех врагов его милости в бараний рог скрутим!

Ина, как раз вешавшая передник на гвоздь у печи, услышала эти речи. Она медленно повернулась, подошла к столу и, уперев руки в бока, сурово уставилась на сына. От ее молчаливого взгляда в воздухе сразу запахло грозой.

Сорванцы мигом прикусили языки. Дочистив миски в гробовом молчании, они подхватили свои пожитки и вихрем вымелись на улицу.

— Куда несетесь, чертенята? Ноги не переломайте! — крикнула им вслед Ина, выглянув за порог.

— Не переломаем! — донеслось из клубов утреннего тумана. Ребят и след простыл.

Проводив молодежь, Ина наскоро перекусила сама, прибрала со стола и тщательно затушила угли в очаге. Убедившись, что пожар дому не грозит, она закинула за спину огромный плетеный короб, высотой едва ли не в половину ее собственного роста, и зашагала со двора.

Зима наступала на пятки, холодало с каждым днем. Чтобы пережить грядущие метели без нужды, нужно было до первых снегов запасти как можно больше дров, сушеных грибов и лесных кореньев.

У городских ворот ее уже ждали соседки — всего собралось восемь баб, снаряженных корзинами, холщовыми мешками, серпами да легкими топориками. Ина правила запряженной в телегу лошадью. Путь их лежал в глубь леса, туда, куда указали пробудившиеся треанты — там, по слухам, разрослась небывалая грибница.

По дороге женщины, устроившись на соломе в телеге, только и делали, что судачили о вчерашней ночной тряске и загадочном всплохе света.

— Бают, аккурат над замком полыхнуло, — качала головой одна из них. — Неспроста всё это.

— Да полно тебе страху нагонять, — возражала другая. — Треанты у ворот и ухом не повели. Коли стряслось бы худое, они бы первыми зашумели. Значит, Лорд просто магию свою испытывал.

— Вот дедушка Джеффри воротится из замка, всё нам и выложит. Чего гадать-то попусту?

Телега катила споро, и вскоре впереди замаячила стена древнего бора, что раскинулся к северо-востоку от Города Сосновой Хвои.

Прежде здешние места наводили на горожан жуть. С тех пор как в один миг пробудились треанты, чаща стала казаться заколдованной, и соваться туда никто не решался. Лишь когда старый Джеффри заверил всех, что треанты зла людям не желают, а под вековыми кронами попёрли небывалые грибы, бабы перебороли страх и решились на вылазку.

— Приехали, девки, — Ина натянула вожжи, осаживая лошадь. Женщины гурьбой посыпались на землю. Для лесной работы все они нарядились попроще: подола длинных юбок подоткнули повыше, широкие рукава рубах перевязали тесьмой у запястий, а легкие туфли сменили на надежные кожаные сапоги.

— Помните, что дедушка Джеффри наказывал: под ноги глядите в оба. Где треанты шагали, там глубокие ямы в земле остались, не ровен час — шею сломаете, — предупредила Ина.

Лошадь, в прошлом бывшая боевым конем и теперь окончательно присмирившая, осталась стоять у опушки, мирно пощипывая пожухлую траву. Бежать она и не думала.

Бабы гуськом двинулись в чащу. Держались кучно — забираться поодиночке в овейный легендами бор всё еще было боязно.

Лес встретил их тишиной и небывалой щедростью. Не успели они отойти от опушки и на пару десятков шагов, как Ина изумленно замерла.

— Батюшки, гляньте-ка туда! — выдохнула она, указывая рукой в глубь зарослей.

Обогнув вековую сосну, они вышли к огромной, неровной вмятине в земле — следу треанта. По краям этой ямы плотным полукольцом выстроились невиданные коричневые грибы. Размером они были с добрый куст: самые невзрачные из них вымахали больше метра в высоту. Широкие, мясистые шляпки раскинулись зонтами, рассыпая в сухом воздухе едва заметную пыльную грибницу. Казалось, это не грибы вовсе, а диковинное карликовое редколесье.

— Это что ж за чудо-юдо такое? — прошептала одна из женщин, осторожно приближаясь к великанам.

Женщины обступили находку, недоверчиво разглядывая гигантов. На вид, цвет и запах это

были самые обычные, исстари знакомые им лесные грибы. Да только отродясь никто не видел, чтобы они достигали таких размеров.

— Глядите, тут с краю край обгрызен, — прищурилась Ина, заметив на одной из шляпок следы чьих-то зубов. — И червяк ползет по ножке. Коли лесной зверь да черви их точат, значит, не ядовитые.

Смелые бабы отломили по кусочку мякоти. Сок выделился чистый, пахло свежестью и прелой хвоей — точь-в-точь как у обычных боровиков, только вдесятеро крупнее.

— Точно съедобные!

— Руби их, девки! Не оставлять же такое добро белкам!

Радости баб не было предела. Сбросив короба, они схватились за топорики и серпы. Срезать таких исполинов ножиком было бесполезно — тут требовался замах поосновательнее.

Кровь треантов, пусть и изрядно разбавленная временем, давала о себе знать: силой женщины Владения Снежной Сосны обделены не были. Ина первой примерилась топориком, ухнула и с двух ударов срубила толстенную грибную ножку. Белая мякоть с глухим стуком повалилась в траву. Ее тут же искрошили на крупные части и поволокли к телеге.

Работа спорилась. К полудню телега уже осела под тяжестью добычи — грибы высились на ней бурой горой.

— Ну что, пойдем дальше в чащу? — спросила одна, отирая пот со лба.

— Куда тебе дальше? Телега-то не резиновая, того и гляди ось лопнет, — покачала головой Ина.

— Может, отвезем эти, да еще разок обернемся?

Вдруг их разговор прервало громкое ржание. Оставленная у опушки кобыла забила копытами, испуганно и вместе с тем возбужденно всхрапывая.

— Никак волки? — встревожилась Ина, крепче сжимая топориче. — Быстрее к опушке!

Она приложила палец к губам, призывая спутниц к молчанию, и бесшумно, скользя тенью среди сосен, устремилась назад к маститой боевой телеге.

Две бабы бросились к занервничавшей лошади, хватая ее под уздцы, а остальные

рассредоточились вокруг телеги, выставив вперед серпы да топоры. Выглядели они в этот миг грозно — попробуй сунься, мигом башку размозжат.

Из-за поворота дороги донесся гулкий перестук множества копыт. Женщины затаили дыхание, и вскоре их глазам предстала удивительная картина: по тракту во весь опор неслась невиданная кавалькада.

Это был караван из трех десятков тяжелых крытых фургонов, доверху груженных какими-то тюками. Повозки были затянуты плотной тканью редкого, изумрудного оттенка, а стягивали их плетеные шелковые шнуры, сверкавшие на солнце ярче, чем лучшие девичьи ленты на ярмарке.

Но самым невероятным было то, во что эти фургоны были запряжены. Ни одной ломовой клячи или вола — каждую повозку тащили статные, ослепительно белые единороги. Их витые рога отливали перламутром, а серебристые гривы развевались по ветру, словно сотканный из тумана шелк.

На козлах сидели возницы в изящных плащах травяного цвета. За спинами у них виднелись резные длинные луки и полные колчаны стрел. Даже издали было видно, что это грозное оружие изукрашено тончайшей резьбой, превращавшей смертоносные луки в произведения искусства.

Резкий порыв осеннего ветра сорвал с одного из всадников глубокий капюшон. Солнечный луч мгновенно заиграл на водопаде золотых волос, явив миру безупречные черты лица и заостренные кончики ушей.

Женщины замерли у обочины, разинув рты и боясь пошевелиться, пока великолепное зрелище разворачивалось перед ними во всей красе.

Лишь когда пыль за последней повозкой улеглась, женщины перевели дух. Они недоверчиво переглянулись, и лесную тишину разорвал их восторженный визг:

— Эльфы! Бабоньки, это же настоящие эльфы! К нашему Лорду гости пожаловали!

Тем временем в самом замке Лорд Юнь Фэй даже не подозревал, что столь желанные припасы уже у него под боком. Юноша был слишком занят решением куда более насущной проблемы — он умудрился заблудиться.

Плутать в собственном доме — казалось бы, глупее не придумаешь. Но когда ты в третий раз подряд проходишь по одной и той же галерее и натыкаешься на ту же самую уродливую каменную горгулью на повороте, даже самый упрямый человек признает: дело нечисто.

Замерев на верхней ступени широкой винтовой лестницы, Юнь Фэй горько усмехнулся

собственной «удачливости».

Ему всего-то захотелось осмотреть свои новые владения. Он-то наивно полагал, что обойдется без приключений. Но жизнь в очередной раз доказала, что излишняя самоуверенность до добра не доводит.

«Эх, был бы тут старый Люк...»

Однако старый Люк сейчас натаскивал молодежь в лесу треантов, а Бру с головой ушел в уборку бесчисленных комнат старой крепости. Оба верных соратника были заняты делом, и прийти на выручку молодому господину было некому. Приходилось выпутываться самому и искать способ развеять эти чертовы чары.

Страха он не испытывал — глупо бояться стен собственного замка, к тому же коридоры не таили в себе смертельных ловушек, а лишь водили его кругами.

Но раздражало это невероятно.

Вновь оказавшись лицом к лицу с пучеглазой статуей, Юнь Фэй покрутил в пальцах сплетенный им зеленый травяной шарик и тяжело вздохнул. Замок был слишком огромен, и уследить за всеми его капризами у молодого хозяина пока не получалось. Что тут поделаешь? Разве что запастись терпением да продолжить поиски выхода.

<http://bllate.org/book/18992/1934612>